

РЕАЛЬНЫЙ СЕКТОР

— Уход Сергея Мохначёва тоже связан с уголовными делами?

— Он абсолютно чист, да он никуда и не уходил... Просто доверенность от Шакули у него была до 31 декабря. Мохначёв — наш. Прошёл школу завода им. Ленина, а когда всё «посыпалось» — ушёл в бизнес, набрался опыта в разных ситуациях. За этот год он, безусловно, навёл порядок в выполнении гособоронзаказа и поставок по линии Рособоронэкспорта. На нём производство держалось как на стержне. Благодаря ему завод выполнил гособоронзаказ на 2013 год на 100% и все поставки по линии Рособоронэкспорта.

В 2013 году сумма гособоронзаказа составила почти 3 млрд руб. Возможно, в 2014 году она возрастёт в полтора раза по некоторым позициям.

— Что тормозит сегодня развитие завода?

— Технологии морально устарели. Одна из них — 1943 года. Во времена войны, когда в Пермь было эвакуировано четыре пороховых завода, головастые мужики из КБ НКВД СССР сделали технологию, по которой ковали в потоке снаряды для «катюш». Эта технология модернизировалась, но не кардинально.

Вторая технология, за которую НПО им. Кирова дали орден Ленина, — это литьё под давлением, чего нет у американцев. Это уже разработка нового поколения — топливо от «катюш», но в два раза эффективней.

Когда проекты по модернизации производства будут реализованы, мы сможем увеличить объёмы производства в два раза.

— Что представляют собой проекты модернизации?

— Новые аппараты, механизация, автоматизация, компьютеризация, система контроля качества. Всего нужно порядка 9 млрд руб. Железо меняется, здания обновляются либо строятся новые. Вот тогда мы станем заводом-лидером по производству порохов в России... Впрочем, пока мы им и являемся.

— Были планы по созданию порохового кластера. Почему в прошлом году их не удалось реализовать?

— Кластер мы создавать собираемся, рисуем его на бумаге и в конце концов протолкнём. На создание кластера нас сподвигло вот что: нужно было наращивать интеллектуальный потенциал района.

В НИИПМ остались 1 тыс. человек, но вот в чём трагедия — их средний возраст 55 лет... Нужна молодёжь. А почему она не идёт? В 2006 году с завода списали все долги. Я как депутат помогал списать эти долги за счёт передачи города Дворца культуры им. Кирова. Но руководители, которые были после этого — шесть человек, — снова сгенерировали на предприятиях гигантские задолженности. И сейчас мы не можем поднять зарплату. Кластер же предполагает систему непрерывной подготовки кадров — в одной связке будут лицеи, гимназии, базовый технологический техникум, кафедра твёрдых топлив.

Важно наращивать научный потенциал. Нужны школы, нужен новый подход. Поймите, Россия сейчас откровенно проигрывает!

— Почему в прошлом году не удалось попытка утвердить пороховой кластер на уровне края?

— Кластер задумывался без меня. Идея, появившаяся в 2012 году, была отличная. Но была сделана стратегическая ошибка. Ребята, которые этим занимались, задумали поднять разрушенный «в доску» бывший кластер министерства химической промышленности. Сделать это было нереально. Никакой «Новой химии» в том проекте я не нашёл. Наоборот, там была старая старая химия. Я усомнился: может, это я дурак? Показал ещё одному профессору, но он со мной согласился, что тот проект не годится.

Краевые власти в прошлом году «разбили» эту идею в пух и прах.

Идея кластера «Новая химия» уже предлагалась в СССР Борисом Коноплёвым. Сейчас в России есть казанская химия, сильнейшее новосибирское химическое производство, есть московское, где работают три академика. Нам же надо иметь свое ноу-хау, пермское. А это — «Сорбент», это — фтор-соединения «Галополимера».

Развивая пермский «конёк» — военные полимеры, твёрдое ракетное топливо, — мы становимся монополистами. У нас не будет конкурентов, когда мы придём к Улюкаеву в Минэкономразвития: вот, извините, за это-то и надо держаться. А авторы предыдущего варианта «Новой химии» не удосужились даже переговорить с предприятиями Кировского района. В данный момент мы «чистим» этот проект, потом он будет направлен на утверждение в НИИПМ.

— В чём его суть? Вы считаете, кластер можно построить полностью на базе пермских предприятий?

— Только так. В предыдущем кластере было одно якорное предприятие — Пермский пороховой завод. Это неправильно. Мы работаем в связке с НИИПМ, через него проходят все новые темы. Всего по проекту предполагается развивать девять базовых направлений.

Продукт №1 — военные полимеры и в дополнение к ним несколько наименований, которые невыгодно покупать, и с которыми мы хорошо знакомы.

Представлена в проекте и научно-техническая «гражданка» — это акрилатные полимеры, пенополиуретаны поливинилхлоридные, вплоть до биотехнологий. Ещё в 1998 году ППЗ сдал первую крупнотоннажную технологию производства акриламида биотехнологическим способом.

Мы взяли штамм микробов. В реактор объёмом 5 «кубов» лили яд, который называется нитрол-акриловая кислота. Туда же бросали замерзших бактерий, в водичке они просыпались, быстро размножались, сжирали яд и давали экологически чистый продукт, который служил основой для электрически заряженных полимеров различного назначения. Президенту РАН я докладывал об этой технологии непосредственно в цехе.

— Что получит Кировский район с появлением кластера?

— Предполагается 2 млрд руб. направить на развитие инфраструктуры района — планируется городок для молодых учёных и т. д.

— Что даст сегодня предприятию назначение генеральным директором Николая Тарасова? Можно ли назвать это решение политическим?

— Решение, говорят, принято министром, поэтому необсуждаемо. Мы, военные, — люди дисциплинированные.

Раньше Тарасов был директором ОАО «Силан» в Липецкой области. Этот завод поставляет ППЗ катализатор скорости горения твёрдого топлива, очень важный компонент. Он знаком с нашей отраслью. В то же время он — офицер, окончил, если не ошибаюсь, Гайвинское училище МВД.

Почему его ставят? Видимо, потому, что надоела эта чехарда с уголовными делами. Ставят человека, который наведёт порядок. Его задача, как первой представительской фигуры, — взаимодействовать с вышестоящими — краевыми и городскими — властями. Выбивать деньги, обеспечивать выполнение директив, поступающих свыше. Техническую сторону возьмут на себя специалисты, которых у нас много.

— Почему после назначения будет объявлен конкурс? Это формальность?

— Таковы требования устава Министерства промышленности и торговли РФ.

— Не развалится ли завод в результате столь частой смены директоров?

— Развалиться не дадут. Потому что в таком случае российская армия останется без боеприпасов. Есть лишь маленький дубль того, что мы производим — химкомбинат в Каменской области. Каменск владеет частью номенклатур. Их у них максимум пять, а у нас — 150.

— Какую оценку вы можете дать «чехарде» уголовных дел на предприятии?

— Да как вам сказать... У людей, видимо, меняется психика, когда они попадают в это кресло. Есть такая английская пословица: чем выше обезьяна лезет по дереву, тем лучше виден её зад. У людей что-то происходит с головой, стоит им попасть в это кресло. Видимо, они для себя постулируют: я могу всё. Но вот это как раз поступают ошибочный. Потому что всегда есть «доброжелатели». Тем более что мы живём в «деревне», где все друг друга знают — кто с кем спит, кто сколько пьёт. За ними же смотрят «в микроскоп».

Как «спёкся» Мелентьев? Взял два векселя по 17 млн руб., положил в карман и улетел. Сел на самолёт в Москву. Один чек отоварил, где-то там рассчитался. Второй остался в кармане. Прилетает сюда, а его уже ждут: «Где второй вексель?» — «Нет» — «Ну, одевай наручники, поехали в СИЗО». Всё элементарно.

Я был депутатом, посторонним человеком, и то, когда началась «помывка» денег через ЦНКБ, откуда пришёл Мелентьев, даже тогда мне звонили, докладывали: «Идёт платёжка в ЦНКБ». Я отвечал: «Не нужна мне ваша информация». Но видите — всё «под микроскопом». Нельзя так делать. Кто начнёт подписывать платёжки «не туда» — плохо кончит.

— Были честные директора на ППЗ за эти шесть лет?

— Мне сложно сказать — я в 2003 году ушёл с предприятия. Ушёл, в частности, из-за всего этого. Тут либо воруют все, либо это уже не ВПК. Раньше дух был совершенно другой. Нам всем в карман клали партбилеты — хочешь или не хочешь. Мы были совестью страны. И вдруг — начались такие «финты». И эти ребята ничего не скрывали...

А ведь в реальном секторе экономики есть прекрасные возможности зарабатывать очень честно и открыто, и это дело нужно поощрять. ■